

А.К. Закржевский

Карамазовщина
Психологические параллели

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82.09
ББК 83.3
А11

A11 **А.К. Закржевский**
Карамазовщина: Психологические параллели / А.К. Закржевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-458-10873-7

Достоевский, Валерий Брюсов, В.В. Розанов, М. Арцыбашев.

Александр Карлович Закржевский (1886-1916) - писатель, литературный критик, философ. Данное издание представляет собой литературоведческое исследование творчества Ф.М. Достоевского, его влияния на произведения писателей XX в.

ISBN 978-5-458-10873-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Настоящая книга представляет собой вторую часть задуманной мною работы о творествѣ Достоевскаго, о трехъ преображеніяхъ этого творчества, о трехъ мірахъ его души.

Каждая изъ этихъ сторонъ творчества геніальнаго писателя представляетъ совершенно самостоятельное цѣлое, въ каждой изъ нихъ онъ является какъ-бы въ новомъ видѣ, такъ что можно не задумываясь сказать, что существуютъ три Достоевскихъ: тотъ, что находился въ подпольѣ, что проклиналъ, ненавидя весь родъ человѣческій и упивался мыслью объ его разрушеніи; тотъ, другой, что измѣрилъ глубины плоти и страсти и далъ потрясающую картину карамазовскаго сладострастія съ провалами въ такія нѣдра, гдѣ горѣніе плотское становится огнемъ духа, съ горизонтами безумія, съ источниками жестокости и изступленія; и наконецъ, — третій — самый загадочный—пришедшій къ религіозному сознанію, въ великой мукѣ отъ Бога открывшій вѣчные пути, творецъ такихъ, чисто религіозныхъ типовъ, какъ старецъ Зосима, Долгорукій—отецъ, Шатовъ, Алеша Карамазовъ;—пророкъ современныхъ

исканій, пророкъ религіознаго ренессанса нашихъ дней.

Въ освѣщеніи этихъ трехъ путей Достоевскаго, въ возсозданіи не въ шаблонныхъ рамкахъ критики, а въ *творчествѣ*, этихъ трехъ картинъ его внутренняго міра (подполья,—карамазовщины и—религіи)—заключаются задача и цѣль моего труда.

Уже сталъ неоспоримою истиной тотъ фактъ, что Достоевскій весь воплотился въ современности, что онъ сталъ вдохновеніемъ и отправной точкой почти для всѣхъ нашихъ писателей, поэтовъ, философовъ, что современное религіозное сознаніе все цѣликомъ вышло изъ Достоевскаго, что творчество нынѣшняго времени буквально живетъ имъ, лишь видоизмѣняя и преображая его мысли, его открытвенія, его бездонную и вѣчную глубину. И не въ убожествѣ нашемъ, не въ оскудѣніи творческихъ силъ нужно усматривать причину этого вліянія, а въ необычайно сильномъ родствѣ всего русскаго творчества съ личностью Достоевскаго. Въ этомъ отношеніи Достоевскій какъ-бы является выразителемъ передъ міромъ всѣхъ глубинъ русскаго духа, геніальнымъ творцомъ всѣхъ бродящихъ, скрытыхъ, таинственныхъ его силъ, великолѣпнымъ символомъ, живымъ символомъ загадочнаго царства русской души и народа, его исканій и его надеждъ, его молитвъ и его проклятій! Ибо не мы возсоздаемъ Достоевскаго, а онъ самъ, его титаническая сила присутствуетъ въ насъ и творитъ въ современныхъ писателяхъ свой надрывный бунтъ и свое великое страданье и свою мистическую безумную красоту. Ибо Достоевскій—это вся Россія, ея душа, ея скрытая и стихійная сущность.

Выяснить это—не внѣшнее, а глубоко внутреннее, психологическое родство Достоевскаго съ современнымъ творчествомъ, при чемъ выяснить такъ, чтобы оно было показано не посредствомъ грубаго подчеркиванія фактовъ (что составляетъ предметъ всякихъ критическихъ работъ и увѣсистыхъ „кирпичей“ филологовъ), а чувствовалось бы само собой, въ самомъ процессѣ творческой интуиціи,—вотъ другая цѣль моихъ трехъ книгъ.

Въ вышедшей первой части моей трилогіи („Подполье“) я изобразилъ картину той стороны души Достоевскаго, которая особенно стала близка современности въ послѣдніе дни и проявилась въ углубленномъ проникновеніи въ тѣ „проклятые“ вопросы о смыслѣ и цѣли жизни, которые своей мукой создаютъ трагедію, которые доминируютъ въ творчествѣ такихъ типичныхъ для нашего времени писателей, какъ Леонидъ Андреевъ, Ѳедоръ Сологубъ, Левъ Шестовъ, Алексѣй Ремизовъ и мало кому извѣстный, безвременно погибшій Михаилъ Пантюховъ, книга котораго „Тишина и Старикъ“ принадлежитъ будущему.

Въ настоящую книгу вошли далеко не всѣ представители отраженной въ современности „карамазовщины“.

Кромѣ того, нѣкоторые писатели одинаково принадлежатъ какъ къ „карамазовщинѣ“, такъ и къ „религіи“, (Розановъ, З. Н. Гиппіусъ); изъ нихъ къ „карамазовщинѣ“ я отнесъ только В. В. Розанова, что-же касается З. Гиппіусъ, то можно сказать, что эта глубоко талантливая писательница совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три элемента, но, хотя духъ „карама-

зовщины“ проявился въ ея творествѣ довольно опредѣленно (разсказъ „Тварь“, „Чортова кукла“),—сущность послѣдняго все-же больше относится къ „религіи“.

Первую часть („Подполье“) критика встрѣтила съ недоумѣніемъ, поспѣшила отнести къ „подполью“ меня самого. Особенно упрекали меня въ излишнемъ субъективизмѣ и въ томъ, что я ограничиваю многостороннее творчество Достоевскаго. Послѣдній упрекъ, какъ видно изъ выясненной задачи моего труда, не справедливъ, что-же касается перваго, то онъ меня только можетъ радовать.

Въ большинствѣ случаевъ критика исполняла второстепенную должность въ литературѣ, она играла въ ней роль суфлера, была чѣмъ угодно:—компиляціей, объяснительнымъ чтеніемъ, публицистикой, журналистикой, филологическими разысканіями, но не тѣмъ, чѣмъ бы ей слѣдовало быть въ наше время—творчествомъ.

Для меня же это творчество составляетъ то главное, ради чего стоитъ писать, что даетъ совершенно новое освѣщеніе личности художника въ критикѣ.

Для меня задачей является не переложеніе своими словами того, что создалъ писатель, а—проникновеніе въ глубину души его, психологическій анализъ, созерцаніе сущности его творчества сквозь призму моихъ собственныхъ переживаній, исканій и запросовъ.

Такимъ образомъ я *живу* въ произведеніяхъ разсматриваемаго писателя, живу мыслью и душой; возсоздавая его міръ—творю міръ собственный, міръ моего творчества, міръ моего я.

Именно такую задачу видѣлъ въ критикѣ Оскаръ Уайльдъ, когда говорилъ: „критика есть въ сущности творчество въ высшемъ смыслѣ этого слова, критика одновременно и созидательное и независимое творчество“.

Александръ Закржевскій.

19 Января 1912 г.

Кіевъ.

I.

О, ступайте-жъ, ступайте дорогой паденія
Ниже, ниже-спускайтесь въ зіяющій адъ,
Гдѣ подъ огненной бурей всѣ преступленія,
Точно змѣи, шипя, въ безпорядкѣ кипятъ!

Бодлэръ.

Есть въ творествѣ Достоевскаго особая область, цѣлый міръ, полный своихъ красокъ и звуковъ, совершенно отличный, замкнутый, сложный. Это *карамазовщина*—міръ пола, трагедія пола, его очарованіе, его мистика и его ужасъ. Здѣсь элементъ сладострастья, присущій Достоевскому, упалъ какъ порохъ въ огонь, и вотъ вспыхнула эта затаенная, усложненная, своеобразная жизнь, и въ яркомъ багровомъ заревѣ совершаются тайны и мистеріи плоти. Здѣсь душа больная запуталась въ кошмарныхъ построеніяхъ пола, и наступило забвеніе истомленное, въ вихрѣ видѣній и лихорадочныхъ сновъ, прерываемое бѣшенымъ крикомъ, или изнемогающимъ стономъ, или безмолвной, страшной судорогой... Безвольно, но всецѣло, но безумно отдалась душа полу и длится объятье томительно долгимъ аккордомъ, и замерли силы, а на самомъ днѣ, гдѣ творчество,—всходятъ новые всходы, рисуются

тихіе узоры новой трагедіи, раздвигается новая завѣса сверхчеловѣческой боли!...

Есть Эросъ и эротическое, то, что родила эллинская культура, то, что метафизировалъ Платонъ, то, что воплотилось въ Венерѣ Милосской. Здѣсь красота спокойная, величественная, стройность линій, тихій покой аккордовъ и красокъ творять гармонію, которая восхищаетъ, но не волнуетъ. Здѣсь жизнь вошла въ искусство и перестала быть жизнью, здѣсь гармонія и тотъ порядокъ, та дисциплина, присущая чистому искусству—уничтожила муку, отодвинула на второй планъ ужасъ плоти, представивъ только ея художественную схему, сдѣлавъ изъ нея искусственный и безвредный экстрактъ. Вотъ почему, когда Платонъ объясняетъ любовь, когда Эросъ отражается въ классическомъ искусствѣ, мы остаемся спокойны въ созерцаніи, и пламя не охватываетъ насъ. Но любовь, но плоть,—это вѣдь страшные провалы жизни, это надрывъ природы. Это корень жизни и ея зародышъ, вотъ почему такъ страшно подходить къ нему, вотъ почему отъ прикосновенія къ этому корню отзывается стономъ міровая боль въ нашихъ сердцахъ.

Достоевскій объяснять полъ не пытался, онъ болѣлъ имъ, болѣе того, полъ изсушилъ, обезсилилъ его,—и вотъ, снова вмѣсто искусства явилось страданіе. Вмѣсто гармоническаго восхищенія передъ Эросомъ—Настасья Филипповна, вся истерика пола; вмѣсто обоготворенія любви—сладострастное хихиканіе Федора Карамазова. Полъ истерзалъ Достоевскаго, какъ истерзало его всякое проявленіе жизни, полъ выросъ въ сердцѣ его ядовитымъ растеніемъ и оно одуряющимъ запахомъ окутало и Настасью Филипповну, и Грушеньку, и Ставрогина; у всѣхъ ихъ

именно этотъ ядовитый, раздражающій, странный ароматъ, и всё они окутаны дымкою кошмарнаго очарованія, и не на людей похожи они, они — живые символы души, истерзанной поломъ. На этой почвѣ выросло много страннаго, извращеннаго, уродливаго и преступнаго, родственнаго самому маркизу де-Саду и уже ожидающаго какого-нибудь Крафта-Эбинга, здѣсь преступность и уродливая извращенность опьяняютъ сознаніе! Здѣсь ярко выразилась мысль, что власть пола безпредѣльна, что она святого можетъ сдѣлать преступникомъ и ангела превратить въ демона извращенности!

Женщина—вотъ основа этой стороны творчества Достоевскаго. Женщина создала этотъ особый міръ чадныхъ видѣній, изступленнаго эротическаго мистицизма, русалочьихъ чаръ, въ которыхъ такъ сладко извивается душа, и вотъ уже заколдованные сны кажутся ослѣпительныя бездны какихъ то новыхъ откровеній, слишкомъ утонченныхъ, слишкомъ неуловимыхъ, для которыхъ еще нѣтъ словъ, которые рыдаютъ въ тающихъ полутонахъ бреда, замороженнаго вакхической улыбкой Настасьи Филипповны или мерцаніемъ тонко-прозрачныхъ рукъ Сони Мармеладовой.

И въ душѣ бѣшеный вихрь одержимости. И кажется, что весь міръ качается въ рукахъ женщины, и въ сладострастномъ огнѣ истлѣваетъ сердце... И страшно.

Когда князю Мышкину первый разъ попалась картинка Настасьи Филипповны, былъ весь замерь въ восоргъ, и восхищеніе его какое то нечеловѣческое, въ немъ радость страданія перешла границы обыкновеннаго и кажется, что открылась завѣса какой-то управляющей міромъ Тайны. И улыбнулся и замеръ. И

экстазно озаренные глаза вспыхнули свѣтомъ лучистымъ, и воцарилась тревожная, странная музыка, и каждый аккордъ—ожиданье, и радость, и безумный, душу раздирающій смѣхъ. А изъ темной дали надвигается сила и роняетъ злые цвѣты волшебства, и все вокругъ и дико, и воспаленно, и жутко. Нервы вымотаны въ струны палящей боли, и по нимъ тихо скользятъ высокая и змѣиная, съ дерзко прищуренными глазами, съ яростнымъ, застывшимъ крикомъ, вызывающимъ крикомъ на искаженномъ красотою лицѣ, и каждая черта, каждое движеніе, каждый изгибъ тѣла звонко поетъ: „Я—царица, я—міръ, я—власть“!

И Мышкинъ-Достоевскій понялъ и увѣровалъ, и съ тѣхъ поръ женскіе чары жутко скользятъ между строкъ и одурманиваютъ, и не даютъ жить, и сладостной пыткой изводятъ очарованную душу.

Женщина—вампиръ, женщина—терзаніе, женщина—боль... Въ каждомъ женскомъ образѣ Достоевскаго горятъ эти понятія. У него, когда надвигается женщина, становится страшно тихо, какъ передъ грозой, открываются глубочайшія нѣдра, струится черное, смолистое вино опьяненія... Слышны удары сердца, и сквозь заплетающійся вихрь отрывочныхъ фразъ прыгаетъ, корчится, извивается, всхлипываетъ истерика, и глаза подернуты туманомъ истомленности, и въ страстныхъ, изнемогающихъ корчахъ задыхается жизнь...

Словно наступила женщина своею ногой на самый основной корень души,—и вотъ горитъ все пламенемъ отчаянной, безвольной любви, какого то палящаго оргазма, соединеннаго съ бѣшенымъ воплемъ литургійнаго восторга и сатанинскаго проклятья.